

Обсуждение романа Чингиза Айтматова «Плаха» состоялось на очередном рабочем заседании творческого объединения московских критиков. Оно проходило в рамках «Критического дневника». Открывая заседание, председатель объединения Владимир ГУСЕВ подчеркнул, что в критическом цехе стало традицией ставить на обсуждение спорные, острые произведения литературного процесса. «Сегодня, — сказал он, — мы обсуждаем «Плаху», сложное явление советской литературы. Критический дневник — это некая лаборатория споров, потому нет и не может быть заранее назначенных докладчиков. Заведомо расплывчатый, расплывчатый дневник потерял бы смысл».

Обсуждение «Плахи» и вылилось в такой свободный обмен мнениями. «Литературная Россия» предоставляет слово его участникам.

личность, выломавшаяся из официальной идеологии. Она ищет свой путь.

Но герой третьей части — уже совсем не мифический, это обычный любимый герой писателя, тот же Едигей, который хочет честно жить и работать, не более того. Однако жестокий, чуждый, враждебный, но отнюдь не прекрасный, перефразируя А. Платонова, мир приходит к Бостону — не за его грехи, за чужие. Приходит трагедия, в которой он не виноват, а расплачивается — ему.

большие вопросы и нравственного порядка (наркомания), и экологические. Они поднимались и ранее, но только сейчас, когда наступило время открытости, эти темы можно было так вынести.

Айтматова упрекают в том, что он отошел от киргизской почвы: взялся за тему христианства. Но ничто в его романе не случайно, как нет и следов поспешности. Между прочим, для мусульман Христос, Иса — пророк. И места в романе, где рассказывается о нем, мне показалось, ближе к Корану.

Не случайно введены и волки, которые для тюрков — тотемные животные. И сами имена их: Акбара — «великая», Ташчайнар — «перемалывающий камни» — означают силу, уничтожающую все перед собой. У Айтматова всегда ощущения очень точны, все продумано.

Подняты большие вопросы перестройки нашей жизни, показано, как трудно она достается...

Владимир ВЕРИН, преподаватель МГУ. Мы имеем дело с феноменом «Плахи». А противоречивые суждения вокруг нее напоминают дискуссию, развернувшуюся в свое время вокруг «Калины красной» Шукшина.

В «Плахе» сочетания мифа и публицистики, художественной философии и газетного факта сцеплены в таком небывалом до сих пор единстве, которое и потрясает читателя.

Жизнь заставляет нас пересмотреть некоторые эстетические критерии. Если XIX век относился к газетному факту, к публицистике с высокомерием, то уже Достоевский повернул литературу лицом к газете, к факту.

Айтматов и отразил время в его сегодняшнем состоянии, потому что в его романе произошло это сцепление публицистизма и художественности. Показывая жизнь такой, какая она есть, ставя факт почти газетный на уровень художественного сознания, Айтматов поднимается на невероятный уровень обобщения.

Ведь что такое плаха? Я не согласен, что это распятие. Плаха — слово-символ, синонимичное понятию баррикада. Человечество находится по ту или иную сторону плахи, и эта плаха — как барьер внутри людей, внутри семьи, коллектива, общества, разделяющая и определяющая равную ответственность с той и с другой стороны.

Айтматовский роман — это жанровое перепутье литературы последних десятилетий XX века. Но чувство эстетического дискомфорта вызывает вся «пилатовская» часть.

Зоя КЕДРИНА. Меня смутило, что на обсуждении так часто употребляются эти определения: «киргизская тематика», «киргизская традиция»... Мне кажется, что роман Айтматова далеко выходит за национальные рамки. Писатель поставил общегосударственные, более того — общечеловеческие проблемы на конкретном национальном материале. Именно поэтому так заинтересованно принят роман — читатель почувствовал его общечеловеческую, во всяком случае общесоветскую направленность. Мне думается, что это не просто очередное произведение хорошего писателя Чингиза Айтматова, каждая повесть которого или роман встречаются с глубоким интересом. «Плаха» — это роман-поступок.

Хочу остановиться на линии Понтия Пилата и Христа, которую некоторые выступающие отметили как неудачу писателя. Чтобы до конца осознать необходимость ее включения в роман, надо очень внимательно читать диалог Пилата и Христа. Это же диалог о соотносимости Добра и Зла! Конечно, первая часть романа наименее спорна. И тем не менее в эпизодах с Понтием и Христом мы видим четкую позицию писателя. Он

показал, что происходит в мире.

Тамара МОТЫЛЕВА. В свое время академик Д. С. Лихачев назвал в одной статье Айтматова русским писателем. И мне кажется, что билингвизм Айтматова не скрывает его.

Никто еще здесь не ставил под сомнение психологическую достоверность Авдия из «Плахи». Сумел ли кто-нибудь из писателей национальных республик с таким пониманием, с такой симпатией нарисовать русского человека, как это сделал Айтматов? Это идет от глубокого проникновения писателя в русскую классическую традицию, в достижения мировой культуры. Нам пора задуматься над сложнейшим механизмом взаимодействия разных национальных культур в сознании одного писателя, ибо только под знаком подобного взаимодействия и могла возникнуть идея такой сложной вещи, как «Плаха». В лице своего Авдия Айтматов продолжает традицию правдоискательства, духовного подвижничества, идущего от лучших образцов классики, от русской литературы прошлого века.

Я не согласна с утверждениями, здесь звучавшими, что герои Чингиза Айтматова — жертвы рока. Они не с роком борются, не с судьбой! Они выступают против — цитирую неточно — универсальной развратной религии вооруженного превосходства. Героям романа противостоят люди вроде совхозного парторга, тоскующего по былым временам, то есть характеры, имеющие реальных прототипов, идущие от нашей действительности.

Сергей ЛОМИНАДЗЕ. Айтматов-публицист вызывает у меня чувство глубокого уважения. Вспомним его статьи, где он с тревогой размышляет над судьбами национальной культуры, национальных языков и традиций. И нас не в последнюю очередь собралось здесь внимание к «Плахе» как к явлению общественному, как к произведению писателя с устойчивой репутацией общественно активного человека. В романе, на мой взгляд, поставлены такие вопросы, к которым нам не очень свойственно обращаться на протяжении длительного времени. Как и в произведениях Распутина, Астафьева, в новом романе Айтматова особенно заметна публицистическая нота. Правда, нередко она звучит в ущерб художественности. Я бы обозначил эффект таких произведений, как «Плаха», отсутствием в журналистике, в социологии произведений, которые не являются литературой, но служат исследованиями самых острых общественных проблем — социального, экономического, политического характера. По проблеме наркомании у нас в стране полагалось бы иметь специальную литературу. А проблемы, так сказать, метафизического характера? У нас нет теологических работ в силу активного атеистического начала самого общества. Но у нас нет и серьезных религиозно-философских работ. И когда появляется произведение, поднимающее, затрагивающее эти проблемы, оно вызывает большой общественный интерес.

Однако тут существует опасность, так сказать, «запроблемиться»... Если коснуться христианской проблематики в романе, то меня не смущает, что Айтматов к ней обратился. Меня смущает то, что из этого получилось. Думаю, что художественность тут принесена в жертву злободневности. Читать о Пилате и Христе невозможно. Здесь роман не написан как роман. Когда мы говорим о Христе на языке газетных передовиц, то, может, вообще о нем лучше не говорить?

Маяя ТУГУШЕВА. Я не понимаю такого вкусового отношения к роману. Нам свойственно романтическое воображение, и потому так восторженно мы приняли булгаковского Пилата. По-

РОМАН И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ

«Критический дневник»:

обсуждается роман Чингиза Айтматова

«ПЛАХА»

Владимир БОНДАРЕНКО. Самое яркое и сильное в романе — начало, сцена бойни сайгаков, когда, подобно пожару в Африке, мчатся рядом, леопард, антилопа, тигр — все рядом, потому что общая беда гонит. Здесь то же самое — сайгаки, волки — все вместе, гонит общая беда — человек. Эти сцены блестяще написаны.

В хороших традициях нашей советской литературы написана и третья часть романа, где показано противостояние двух чабанов, один из них — символ вольного хлебопаша, для которого труд — радость (вспомним Ивана Африкановича из повести В. Белова). Если и ощущается некоторый художественный перебор (отец убивает сына), здесь художник живет в своей стихии — образности.

И вдруг в романе видишь пласты материала газетного, публицистического (наркоманы, бригада забойщиков сайгаков). Здесь выступает уже вторая ипостась «Плахи», самого художника. И тогда художественность отступает. У Айтматова новоявленный Христос совершает поступки волею автора, им не веришь, нет самодвижения характера. Айтматов, как ни парадоксально для некоторых, — художник традиционный. Когда он работает в традиции — киргизской, казахской, русской, — он создает вершинное. Когда же он отказывается от традиционности — мы видим интересные публицистические высказывания, но далеко не самое удачное использование замысла.

В целом произведение интересное, но это, на мой взгляд, не лучшая вещь Чингиза Айтматова.

Александр КОГАН. Да, роман вызывает сложное, неоднозначное чувство. Но у меня осталось

неоднозначное чувство и от выступления В. Бондаренко.

Никого не оставят равнодушными и страницы первой части романа, и третьей, замыкающей. Здесь скорее не следование традициям, а перекрещивание их. Я согласен с Бондаренко в том, какие линии кажутся неорганичными, мне кажется, неорганична и история с Ингой Федоровной. Не было еще у Айтматова вещи, в которой он был бы так дисгармоничен, как в этой.

Но чем дальше я от романа отхожу — огрехи куда-то уходят, хотя я о них и помню, а роман продолжает во мне жить. Романом потрясены и читатели, которые утверждают: Айтматов хочет сказать, что добро — с кулаками. И те, кто говорит: Айтматов хочет сказать — не убий.

Что же нас потрясает? Что так царапает за душу в этом романе?

Думаю, что Айтматов писал все — и то, что удалось, и то, что не удалось, — по внутренней потребности. Да, он где-то спешил, он хотел скорее сказать то, чем полна его душа. Вот мы сейчас небрежно, как о само собой разумеющемся, говорим о публицистической стороне романа. Неправильно так делить его. Роман — единство временного и вечного. Но Айтматову нужна была идея. Я бы назвал его героя современным князем Мышкиным, который испытывает крушение безоружного добра. Но нельзя приписывать заблуждения героя автору.

Сегодня мы не только говорим Айтматову спасибо за то, что он одним из первых поднял в художественной литературе тему наркомании, — мы смотрим не только на факты, но на то, какая философская глубина за этим романом.

Формально он связан только историей волков. Однако почему Айтматову понадобилось сопрягать две судьбы? В первом случае перед нами проходит, говоря словами Горького, выломавшаяся

Так трагически не кончалась ни одна вещь Айтматова: не только в смысле судьбы героев — в смысле мироощущения. Высшая современность «Плахи» — именно в мироощущении. Айтматов по-своему подает нам сигнал тревоги, и это роднит «Плаху» с «Печальным детективом» Астафьева и «Пожаром» Распутина.

Георгий ГАЧЕВ. В романе Ч. Айтматова «Плаха» есть внутренняя проблематика, а не только внешнее опоясывание, прошитое волками. Главная проблема: как поступать, какому закону подчиняться — закону свободы личности (линия Авдия, Христа) или закону рока, судьбы (линия Бостона). Судьба или свобода — это главное, что свяжет роман. Поэтому даже и последняя часть, написанная в духе других айтматовских вещей, читается только на фоне предыдущего табла. Там было «не убий», здесь разграничена жесткая рационалистическая повесть-притча, трагедия рока. И мне кажется, линия «убий» уступает линии «не убий», хотя первая (Бостон) и сильнее разработана.

«Плаху» нельзя рассматривать как традиционную схему романа. Это — триптих, аналогичный конструкции «Фауста».

Зачем Ч. Айтматов обратился к христианству? Он обратился к максимально возможному мифу, ему нужен был рассуждающий Христос, философ, который сам объясняет свое учение, который увидел пророческим взглядом обезлюдевшую землю: люди сами себя могут уничтожить... И иные мысли очень глубоки в философском смысле, например, о жертве как о форме существования идей. Может быть, плаха есть форма существования сверхидей, недаром и социальные идеи утверждаются жертвенной кровью? Это и многое другое задается писателем в форме вопроса.

Люция КЛИМОВИЧ. В своих предыдущих произведениях Чингиз Айтматов показал себя искателем, который на сравнительно малом материале, прежде всего связанном с его родиной, поставил большие вопросы. В «Плахе» он это доказал еще раз, но значительно расширив горизонты — и исторические, и географические. И вместе с тем он не отошел от Киргизии, от своей родины, и от тех принципов, тех моральных норм, которые всегда были для него характерны.

В романе поставлены очень